

Линь Цзяэр обитал здесь уже три дня. Чаще всего его взору представала женщина — на редкость утончённая, благородная красавица. Вот и сейчас он бездельничал поблизости, от нечего делать изучая обстановку.

Облачённая в изящное ципао, она сидела в кресле-качалке посреди тенистого дворика. На её коленях покоилась раскрытая книга, на столике дымился чайник. В каждом её жесте, в каждом плавном движении сквозило неуловимое благородство.

Линь Цзяэр поначалу не обращал на неё особого внимания. Проблема заключалась в том, что он просто физически не мог отдалиться от неё. За несколько дней вынужденного безделья тоска смертная так его замучила, что он волей-неволей стал присматриваться к своей невольной спутнице.

Понаблюдав за окружением, он понял, что попал в традиционную китайскую усадьбу — сыхэюань, притом колоссальных размеров. Взмыв повыше, он обнаружил, что весь этот лабиринт крыш принадлежит одному огромному поместью. Сам же он, судя по всему, застрял в Восточном флигеле.

Стоило ему осознать, что местные обитатели его не видят, как Линь Цзяэр перестал прятаться и принялся открыто глазеть по сторонам. Сперва это забавляло, потом наскучило, а под конец он едва не выл от бессилия из-за того, что некому сказать ни слова.

— Молодая госпожа, вот газеты, которые вы просили, — склонившись, служанка аккуратно достала из корзины стопку листов и почтительно протянула их утончённой даме в ципао.

Услышав слово «газета», Линь Цзяэр так и встрепенулся. Изнывая от скуки эти несколько дней, он только и делал, что бесцельно парил из угла в угол, отчаянно тоскуя по своему смартфону и компьютеру.

Но стоило ему подлететь ближе, как он оцепенел, даже не успев прочитать заголовки. На пальцах служанки остались отчетливые чернильные следы. Краска пачкалась! Неужели бумага настолько дешёвая? Он сто лет не видел такого низкосортного чтива — разве что в глубоком детстве. Да и вообще, в его время бумажные издания выписывали разве что школы да госучреждения, все остальные давно читали новости в интернете. Пресса как таковая практически ушла в небытие.

Заглянув в газету, прозрачный пушистый комочек недовольно сморщился. Что за дикая вёрстка? Аж глаза разболелись. А это ещё что за звезда? Почему он о ней впервые слышит? Как и большинство молодых людей, Линь Цзяэр первым делом отыскивал колонку светской хроники, но, пробежав её глазами, не узнал ни одного имени.

Линь Цзяэра охватило смутное беспокойство. Предчувствуя нечто из ряда вон выходящее, он

замер. В голову закралась пугающая догадка. Скользнув взглядом к дате выпуска, он потрясённо вытаращил кошачьи глаза. Это... это же дата двадцатилетней давности?!

«Да ладно! В тот год я только-только на свет появился!»

Может, молодая госпожа просто любит перечитывать старую прессу? Наверняка так и есть, иначе происходящее пахло бы совсем уж дикой чертовщиной.

Однако стоило ему прогуляться вслед за женщиной за ворота усадьбы, как прозрачный глупый пушистик окончательно пал духом. Одежда прохожих на улицах, полное отсутствие привычных глаз высоких технологий... Но окончательно его добило зрелище, когда прохожие принялись доставать из сумок мобильники размером с кирпич. Сомнений не осталось: он переместился на двадцать шесть лет в прошлое, да ещё и застрял здесь в бесплотном состоянии.

Он уныло поплёлся следом за своей невольной проводницей, отвлёкся и не заметил, как подошёл слишком близко. Вдруг из её живота донеслось странное, едва уловимое колебание силы.

«Чудеса да и только. Этот малец там что, читер какой-то? Живота толком не видно, от силы месяца три, а он уже так буянит? Вот уж действительно аномалия».

Впрочем, Линь Цзяэр только обрадовался и подобрался поближе. Чем меньше оставалось расстояние, тем отчётливее становился этот незримый отклик.

Белый комочек так увлёкся своей игрой, что не заметил, как женщина нахмурилась и прижала ладонь к животу. Повернувшись к служанке, она негромко произнесла:

— Сяо Люй, сходи к дворецкому. Пусть попросит старейшину Мо заглянуть ко мне. Кажется, с ребёнком творится что-то неладное.

— Слушаюсь, молодая госпожа. Я мигом, — растерялась служанка, но, прежде чем бежать, обеспокоенно добавила: — Может, я сначала помогу вам дойти до спальни, а уже потом позову лекаря?

— Не нужно, я посижу здесь. Ступай, — отмахнулась молодая госпожа, давая понять, что беспокоиться не о чем.

— Да, сейчас же вернусь.

Поняв, что увлёкся и перегнул палку, Линь Цзяэр послушно отлетел подальше. Почти сразу же пульсация в утробе затихла.

Минут через пятнадцать во двор торопливо вошёл немолодой дворецкий, а за ним — пожилой мужчина с лекарственным сундучком в руках.

— Молодая госпожа, дворецкий Мо сказал, вам нездоровится? Позвольте старейшине Мо осмотреть вас.

— Верно. Покажите-ка мне руку, дитя, старик проверит ваш пульс, — добродушно проскрипел лекарь.

Женщина послушно протянула тонкое запястье. Старейшина Мо сосредоточенно прижал пальцы к её коже. Шло время, и брови его сходились всё ближе к переносице.

Заметив его замешательство, молодая госпожа спросила:

— Что-то не так, доктор Мо? С моим здоровьем проблемы?

— В том-то и дело, что нет. Вы совершенно здоровы, никаких отклонений я не вижу. Расскажите подробнее, что именно вы почувствовали? — озадаченно ответил тот. Молодая госпожа с детства росла хрупкой и болезненной, однако сейчас её пульс бился на редкость ровно и уверенно, словно в ней забил источник новой жизненной силы. Такого у неё отродясь не бывало.

Женщина легко коснулась живота. В её глазах сквозило недоумение — то странное, неуловимое ощущение всё ещё теплилось внутри, но облечь его в слова она не могла.

В этот момент во двор вбежала запыхавшаяся Сяо Тин, служанка из Западного флигеля:

— Дворецкий, скорее, помогите! Нашей госпоже совсем худо, тошнит, голова кружится, все перепугались насмерть!

Выпалив это, девица бросила в сторону молодой госпожи победный, самодовольный взгляд. Сяо Люй, у которой с этой выскочкой давно велись мелкие войны, мгновенно вспыхнула. Не будь здесь госпожи и лекаря, она бы прямо сейчас закатала рукава и расцарапала наглой девке лицо.

Совсем стыд потеряли! Если не проучить этих наглецов, они так и будут заявляться в Восточный флигель как к себе домой.

Вражда между обитателями Восточного и Западного флигелей тлела давно. Стоило разгореться борьбе за пост главы клана, как соперничество хозяев невольно перекинулось и на челядь. Слуги постоянно грызлись из-за всякой ерунды — то отрез ткани пожирнее не поделят, то улов покрупнее.

И хотя претендент из Западного флигеля проиграл выборы и довольствовался лишь местом в совете старейшин, его челядь продолжала наглеть. А всё потому, что нынешний глава клана и его супруга отличались излишней мягкостью и добросердечием.

Судя по спектаклю, который устроила Сяо Тин, хозяйка Западного флигеля, должно быть, снова понесла?

Обе молодые женщины вышли замуж в один год и прожили в усадьбе уже три года. Однако соперница два года назад благополучно разрешилась дочерью, а теперь, похоже, ждала второго. Их же госпожа, вечно бледная и немощная, до сих пор не могла зачать. Если дети из Западного флигеля проявят талант, они станут прямыми кандидатами на пост следующего главы. В клане Мо власть наследовал сильнейший, независимо от пола — среди старейшин хватало и женщин, пусть мужчины исторически и доминировали.

Эх, когда же в Восточном флигеле появится наследник? Если затянуть, соперники уйдут далеко вперёд. Маленькая барышня из Западного флигеля в прошлом месяце успешно пробудила своего сопровождающего духа — бенгальскую кошку. В два года явить духа — признак великолепного потенциала. К пяти годам, когда сила стабилизируется, её поведут в Храм предков клана Мо определять уровень слияния.

Чем раньше у потомка клана Мо пробуждается сопровождающий дух, тем выше его врождённые способности и будущая степень слияния с ним. Нынешний глава явил миру своего духа — свирепого золотого льва по кличке Бушующее пламя — едва ему исполнился месяц. Его соперник из Западного флигеля призвал леопарда Несущийся ветер в полгода, что тоже считалось редким даром. К тому же у нынешнего главы степень слияния с Бушующим пламенем достигала невероятных девяноста процентов, а у его оппонента с Несущимся ветром — восьмидесяти шести. На их фоне двухлетняя малышка выглядела многообещающе, превосходя большинство сверстников из побочных ветвей клана.

Доктор Мо замаялся. Появление нового наследника в клане Мо — событие огромной важности, и долг лекаря требовал немедленно отправиться туда. К тому же, если посчитать сроки, зачатый в это время ребёнок мог оказаться выдающимся гением. Из всех великих семей Императорской столицы именно клану Мо улыбнулась бы редкая удача принять такое дитя.

Юнь Жохань мгновенно всё поняла. С тихой улыбкой она произнесла:

— Ступайте, доктор Мо. В Западном флигеле вы сейчас нужнее.

— Тогда я поспешу. Позже я выпишу для вас укрепляющий отвар и пришлю слуг с лекарством,
— старик подхватил свой сундучок и торопливо зашагал прочь.

Дворецкий Мо почтительно склонился перед хозяйкой:

— Простите, молодая госпожа. Это моё упущение. Челядь совсем забыла о приличиях и

врывается без спроса. Я непременно наведу порядок.

— Пустяки. Наводить порядок в доме — ваша забота, я не стану вмешиваться.

— В таком случае отдыхайте, молодая госпожа. Позвольте откланяться.

Едва за дворецким закрылись ворота, как Сяо Люй взорвалась от негодования:

— Молодая госпожа, это уже переходит все границы! Да ведь её хозяйка только что была совершенно здорова! Когда вы отправили меня за дворецким, эта пигалица Сяо Тин крутилась неподалёку и вовсю раздавала поручения слугам от лица своей госпожи. Голос у неё был бодрый, ни о какой хвори и речи не шло! И надо же — стоило явиться лекарю, как та вдруг слегла без чувств. Что за дешёвые фокусы? Наверняка они давно знали о беременности, просто выжидали удобного момента, чтобы утереть нам нос. Точь-в-точь как в прошлый раз!

Юнь Жохань с мягкой, снисходительной улыбкой погладила свой ещё плоский живот:

— Не переживай. Чужого мне не надо, но и своё я никому не отдам. Не трать нервы на подобные глупости, только себе навредишь.

Поразмыслив, Сяо Люй успокоилась. И то верно: пусть их молодая госпожа с виду казалась хрупкой и уступчивой, но стоило обитателям Западного флигеля нарваться на неприятности, как она одним точным ударом ставила наглецов на место. После таких уроков соперница запиралась у себя на несколько дней, круша от злости фарфор, и ещё долго исходила желчью.

Линь Цзяэр, наблюдавший за этой сценой, невольно проникся глубоким уважением к молодой госпоже. Неординарная женщина, сильная и мудрая.

Впрочем, уже в следующее мгновение его мысли вернулись к содержимому её живота.

Ну и проказник же там сидел! Не улавливал бы Линь Цзяэр эти тонкие духовные импульсы, он, как и старый лекарь, ни за что бы не догадался о зародившейся жизни.

Стоило целителю коснуться запястья матери, как шевеления внутри мгновенно замерли, затаились. Но стоило лекарю убрать руку, как крошечный бесенок снова разбушевался вовсю.

«Да уж, растёт знатный разбойник. Эй, мелочь, твоя матушка хоть подозревает, какого сорванца носит под сердцем?»

Прозрачный пушистый комочек прикрыл лапкой мордочку и скосил глаза на кроткое лицо Юнь Жохань. Ответ наприсился сам собой: нет, пока определённо не знает.

Наступила ночь. Взобравшись на конёк крыши, Линь Цзяэр уселся на черепицу и уставился на полную луну. Всё-таки небо четверть века назад казалось куда чище, а луна — ярче и круглее. То ли дело в его собственном восприятии, то ли в будущем ночной смог и городские огни окончательно стёрли звёзды с небосвода.

«Интересно, как там Мо Линьюань?..»

Когда та проклятая тварь устроила взрыв в пространственном кармане, Линь Цзяэр успел выпустить сразу два призрачных хвоста, защитив их обоих. Должно быть, его спутник уцелел. Очень хотелось верить, что с ним всё в порядке. За то время, что они провели вместе, Мо Линьюань заботился о нём так преданно, словно ловил каждое его безмолвное желание. Линь Цзяэр до сих пор не понимал, кем приходится этому человеку и за какие заслуги удостоился такой поразительной нежности. Мо Линьюань всегда казался гордым, нелюдимым и холодным со всеми без исключения, так почему же к обычному коту он относился с таким трепетом?

Пока Линь Цзяэр предавался меланхолии и озадаченно чесал лапой за ухом, он не замечал, как тончайшие нити лунного света проникают в его бесплотную оболочку. С каждым вдохом его прозрачные очертания становились едва заметно плотнее.

И как теперь вернуться назад, в своё время? Эта неизвестность угнетала сильнее всего. Самое невыносимое — он застрял в призрачном теле, не способный издать ни звука, который услышали бы живые. Не будь в утробе Юнь Жохань этого весёлого невидимого крохи, с которым можно было хоть как-то забавляться, он бы уже точно свихнулся от одиночества.

Размышления Линь Цзяэра прервало странное, леденящее душу дуновение. В серебристом лунном свете со стороны горизонта начали стягиваться зловещие тени. Клубы угольно-чёрного тумана, извиваясь, словно щупальца неведомых чудовищ, целенаправленно скользили к усадьбе. Их становилось всё больше, они сгущались в сплошную, копошащуюся массу, от которой веяло первобытным ужасом.

Твари неслись наперегонки, завывая на все лады. Обострившийся слух Линь Цзяэра уловил заунывные стенания, скрежет зубовый и замогильный шёпот, от которых мороз пошёл по коже. За всю свою жизнь он ни разу не сталкивался с потусторонней нечистью, а тут их привалило целое полчище.

Клубящаяся тьма с разгону ринулась на усадьбу, но с глухим треском натолкнулась на вспыхнувший в воздухе невидимый купол. Откинутые мощным ударом, чернильные сущности закружились в яростном вихре и с утроенной силой принялись колотиться о преграду.

Воздух огласили бесконечные глухие удары. Линь Цзяэр заворожённо наблюдал, как при столкновении с куполом твари вспыхивали и таяли без следа. Самые трусливые из них, сжавшись в жидкие струйки дыма, в страхе отступали, другие же упрямо шли на таран, пока окончательно не растворялись в небытии. Тем не менее на смену павшим прибывали новые

орды нечисти, затягивая небосвод над поместьем плотной колышущейся пеленой.

Посмотрев на это безрассудное побоище, пушистый комок скептически покачал головой. Какая поразительная глупость — упорно лезть туда, где тебя ждёт верная гибель. Впрочем, глупо было ожидать зачатков разума от безмозглых порождений Тьмы.

Линь Цзяэр потерял интерес к осаде и сосредоточился на самом барьере, мерцающем мягким призрачным светом.

«Это и есть легендарный защитный массив? Настоящая непреступная цитадель. Невероятно... А меня он пропустит?»

Поддавшись любопытству, он вытянул лапку вперёд. Массив даже не дрогнул, свободно пропустив его сквозь сияющую преграду.

Линь Цзяэр вздрогнул от неожиданности. В серебристых лучах луны отчётливо проступили контуры крошечной, полупрозрачной кошачьей лапки. Наконец-то! Пусть он оставался невидимым духом, пусть его облик уменьшился в несколько раз, но это было неизмеримо лучше, чем ощущать себя бесплотным ничем.

Он с умилением оглядел свою лапку. Розовая, пушистая, безупречной формы — любой нормальный человек отдал бы всё на свете, чтобы потискать такую прелесть. Уж куда симпатичнее той мерзкой зубастой пасти, что внезапно выросла прямо перед его носом.

Стоп. Зубастая пасть?!

Линь Цзяэр резко сфокусировал взгляд. Прямо из барьера высунулась уродливая чёрная рожа и, разинув усеянную клыками пасть, попыталась цапнуть его за пальцы.

«Ах ты тварь, из-за угла бьёшь!» — возмутился он, молниеносно отдёргивая лапку. Клыки клацнули в доле миллиметра от его подушечек, издав противный сухой звук. Опоздай он хоть на миг — лишился бы конечности.

«Чего скалишься?!» — расвирепел белый комок. Заметив, что наглая тварь не унимается и продолжает плотоядно пялиться на него сквозь пелену, он наотмашь полоснул когтями. Воздух со свистом рассекли невидимые лезвия духовной силы. Чернильный сгусток брызнул во все стороны, потеряв больше половины объёма, и в ужасе отпрянул в глубину тьмы.

Надо же, не совсем безмозглая скотина, инстинкт самосохранения работает.

Преследовать беглянку он не стал. Полюбовавшись ещё немного полной луной, Линь Цзяэр зевнул — его неудержимо клонило в сон...

Следующие несколько дней прошли в том же духе. Развлечений у него не было никаких, так что он часто сидел на крыше, наблюдая, как полчища нечисти бестолково расшибаются об оберегающий круг.

За это время из-за невидимых оков, удерживавших его подле Юнь Жохань, он исходил весь двор вдоль и поперёк, обнюхав каждую травинку. Он теперь назубок знал расписание миграции местных муравьёв и мог безошибочно указать, на какой ветке раскидистого платана свито птичье гнездо.

Линь Цзяэр долго пытался вычислить радиус своей свободы. По его подсчётам выходило, что эпицентром притяжения служила сама госпожа, а граница привязки пролегла где-то в пределах нескольких десятков метров. Впрочем, точной цифры получить не удалось — невидимая цепь то натягивалась, то ослабевала без видимых причин.

Сегодня он по привычке убрёл на самый край дозволенной зоны и устроился подремать на прогретой солнцем каменной столешнице. Вдруг его внимание привлекла чья-то крадущаяся фигура. Очертания показались ему смутно знакомыми.

Напрягая память, Линь Цзяэр сообразил: ба, да это же Сяо Тин, прислужница из Западного флигеля! Какого чёрта ей тут понадобилось?

Девушка воровато огляделась по сторонам и на цыпочках приблизилась к декоративному валуну у пруда. С виду хрупкая и слабая, она внезапно продемонстрировала недюжинную силу: обхватив руками тяжеленный камень высотой в половину человеческого роста, она с криканием перетащила его на пару шагов в сторону. Проделав эту странную манипуляцию, Сяо Тин поспешно скрылась. Линь Цзяэр озадаченно захлопал глазами.

«Она что, совсем с ума сошла? Притащилась тайком, чтобы заняться ландшафтным дизайном?»

«Бред какой-то», — подумал он и уже собрался уходить, но какая-то неведомая сила заставила его замереть на месте.

Почему-то новое положение валуна вызвало у него жгучее раздражение. Камень передвинули совсем ненамного, но пространство вокруг него словно подёрнулось едва уловимой рябью. Возникло гнетущее чувство дисгармонии.

Внутренний перфекционист не позволил Линь Цзяэру пройти мимо. Обойдя каменную глыбу, которая превосходила его размерами раз в сто, он примерился и упёрся в неё крошечными лапками. Неожиданно валун поддался и с тихим шорохом скользнул по земле.

«Ого! А я-то думал, что духи не могут влиять на материальный мир».

Войдя во вкус, Линь Цзяэр принялся вовсю катать глыбу туда-сюда. Окажись поблизости случайный прохожий, он бы наверняка лишился чувств от ужаса: огромный валун беззвучно ползал по траве, словно живой, выписывая странные зигзаги.

Сделав последнее усилие, Линь Цзяэр загнал камень на прежнее место. Полюбовавшись идеально выверенной композицией, он с чувством выполненного долга потрусил прочь.

Между тем Сяо Тин, сотворив своё чёрное дело, поспешила убраться подальше. Стараясь казаться спокойной, она тем не менее шагала куда быстрее обычного. Вернувшись в Западный флигель, служанка осторожно трижды постучала в резную дверь. Изнутри донёсся ленивый, манящий женский голос:

— Войди.

Сяо Тин проскользнула внутрь, боязливо оглянулась на пустой коридор и плотно прикрыла за собой створку.

— Вечно ты трусишь, — недовольно протянула роскошная женщина, возлежавшая на изящной кушетке. — Чего бояться, здесь все свои. Говори, как успехи?

— Всё готово, госпожа. Я переставила валун в точности так, как вы велели. Защитный барьер нарушен, этой ночью их ждёт весёлое представление.

— Вот как? — Доу Мэймэй грациозно приподнялась, принимая сидячее положение. — Что ж, предвкушаю зрелище. Да, и вели передать тому старому даосу: пускай сегодня нагонит побольше нечисти к их стенам.

Как дочь благородного семейства, Доу Мэймэй знала характер соперницы вдоль и поперёк. Их сравнивали с самого раннего детства: внешность, успехи в учебе, выгодное замужество... Они были заклятыми врагами на всю жизнь. Говорят, злейший враг знает тебя лучше лучшего друга — и это чистая правда. Доу Мэймэй отлично помнила про её проклятое Тело чистой Инь, притягивающую любую скверну из окрестных лесов. Когда-то Мо Дунчэнь не пожалел ни сил, ни колоссальных богатств, чтобы воздвигнуть вокруг Восточного флигеля мощнейший барьер. Какая трогательная забота! Но теперь, когда защитный круг разомкнулся, ночные гости хлынут в спальню Юнь Жохань. Если сама девка не сдохнет, то выкидыш ей гарантирован.

— Поняла, госпожа, — Сяо Тин поклонилась и выскочила за дверь. В покоях раздался тихий, леденящий душу смех Доу Мэймэй, плавно перешедший в злое молчание.

На следующее утро в тех же покоях разъярённая Доу Мэймэй с тёмными кругами под глазами от бессонной ночи наотмашь влепила Сяо Тин пощёчину, сбив девицу с ног:

— Смеешь водить меня за нос, дрянь?!

Служанка схватилась за пылающую щеку и разрыдалась:

— Госпожа, клянусь, я всё сделала! Я лично передвинула тот камень! Пожалуйста, поверьте мне!

— Сама разгребай свои недоработки. Иначе пощады не жди!

А тем временем виновник несостоявшейся трагедии лениво нежился под лучами полуденного солнца, неторопливо вылизывая лапку и мурлыча от удовольствия. Погодка сегодня выдалась на редкость чудесная.

Так незаметно прошёл почти целый год. Линь Цзяэр развлекался как мог: ловил заползавших в сад ядовитых змей, ронял горшки с редкими орхидеями, рвал когтями старые книги и журналы... А его внутренний перфекционист послушно совершал ежедневный обход сада, возвращая злополучный валун на положенное место, стоило Сяо Тин снова попытаться его сдвинуть.

Соперники угомонились лишь тогда, когда в Западном флигеле родился крепкий, упитанный мальчишка. Мало того, уже через два месяца младенец пробудил сопровождающего духа.

Линь Цзяэр с нескрываемым раздражением наблюдал за тем, как самодовольная Доу Мэймэй расхаживает по Восточному флигелю с упитанным младенцем на руках, так и сияя от гордости. Белый пушистый ком покосился сначала на пухлого карапуза, а затем — на совершенно плоский живот Юнь Жохань.

«Слушай, мелкий, ты там вообще собираешься выходить наружу? Или решил прописаться в утробе навечно?»

Не будь у них этой невидимой связи, Линь Цзяэр всерьёз заподозрил бы, что беременность его подопечной — фикция.

Уныло вздохнув, кот принялся разглядывать спящего пухляша, гадая, родится ли его собственный малец таким же круглым. Вдруг прямо на груди у младенца соткался крошечный, размером с ладошку, леопард. Карапуз во сне рефлекторно засунул пятнистую лапку себе в рот, а зверёк принялся беззлобно покусывать пухлые детские пальцы. Выглядело это чертовски мило.

Но стоило Линь Цзяэру умилиться чужому младенцу, как внутри Юнь Жохань началось настоящее землетрясение. Малыш забился с такой силой, словно выражал крайнее недовольство. Ого, ревнует?

«Сам не рождаешься, а на других коситься запрещаешь? Капризный какой!»

Доу Мэймэй продолжала без умолку хвастаться талантами сына. Не выдержав этого словесного потока, Линь Цзяэр прыгнул с перил и отправился искать более тихое местечко.

Он устроился в тени кустов и уже начал сладко дремать, как вдруг на него упала огромная тень, полностью закрыв солнце.

«Да вы издеваетесь!» — вспыхнул кот. Кое-как спасся от назойливой бабы, так теперь ещё кто-то мешает отдыхать!

Он резко распахнул глаза и так и замер. Прямо над ним возвышался исполинский золотой лев. Зверь стоял настолько близко, что Линь Цзяэр мог разглядеть каждую ворсинку на его влажном носу. Хищник принялся и уставился в упор на пушистый ком круглыми янтарными глазами, в которых сквозило явное недоумение.

— Бушующее пламя, ты чувствуешь здесь чужака? — раздался глубокий мужской голос.

Лев был ростом с доброго скакуна. Линь Цзяэру ещё никогда не доводилось видеть таких колоссальных хищников. Сердце ушло в пятки — он всерьёз испугался, что эта махина сейчас перекусит его пополам.

Переведя взгляд на вошедшего мужчину, Линь Цзяэр поражённо ахнул. Тонкие черты лица, волевой подбородок, форма бровей... Этот незнакомец был невероятно похож на Мо Линьюаня!

В тот же миг взгляд мужчины скрестился с кошачьим — казалось, он видит призрака насквозь. Но спустя мгновение воин нахмурился и обратился к своему грозному спутнику:

— Я тоже улавливаю чьё-то присутствие. Значит, ты тоже чувствуешь его, но не видишь, верно?

Золотой лев согласно мотнул гривой и сделал ещё пару шагов вперёд. Горячее дыхание зверя взъерошило прозрачную шерстку Линь Цзяэра. Одно мимолётное движение челюстей — и от призрачного котенка размером с кулак не осталось бы даже воспоминания.

Линь Цзяэр уже примерился, чтобы дать дёру, но огромный хищник внезапно отступил сам. Он дружелюбно вильнул хвостом и издал тихое, утробное ворчание.

Кот едва не прыснул со смеху.

«Привет? Какой воспитанный кошара».

Он приоткрыл пасть и тихо мяукнул в ответ: «Привет», — но лев лишь равнодушно повёл ухом. Конечно, услышать призрака смертные не могли.

— Хватит дурачиться, Бушующее пламя. Нам пора навестить Жохань, — окликнул зверя Мо Дунчэнь, недовольный тем, что его грозный защитник ведёт себя как заботливая наседка. Золотой лев бросил на прощание тоскливый взгляд на пустое место, где сидел Линь Цзяэр, и нехотя поплёлся за хозяином.

Немного согревшись под солнцем, Линь Цзяэр лениво побрёл обратно во флигель. Войдя в комнату, он застал мужчину и молодую госпожу за тихой беседой. По тому, с какой теплотой они смотрели друг на друга, сомневаться не приходилось — перед ним были любящие супруги.

— Я ещё год назад, находясь в совете Альянса, ясно ощутил зов крови. Почему же малыш до сих пор не спешит являться на свет? — тихо спросил Мо Дунчэнь, обнимая жену за плечи.

— Так ты тоже это почувствовал? — улыбнулась Юнь Жохань. — Малыш на редкость смыслённый и хитрый. Стоит доктору Мо коснуться моей руки, как он тут же затихает.

— К слову, возьми это, — мужчина достал из-под одежды Подвеску с гербом клана Мо и бережно вложил её в ладонь супруги. — Я только что возглавил Альянс, дел невпроворот, и в усадьбе надолго задержаться не смогу. Этот артефакт позволит тебе подчинить любого теневого стража клана Мо. Береги себя.

— Дунчэнь, но я ведь в полной безопасности в стенах поместья, к чему мне такая ценность?.. — мягко возразила она.

— Оставь у себя. Ради моего спокойствия. Тебе и нашему сыну может грозить опасность.

Линь Цзяэр уставился на Подвеску с гербом клана Мо. Изящная сквозная резьба, едва различимый древний иероглиф «Мо»... Его словно громом поразило. Лапа сама собой потянулась к собственной шее, но наткнулась лишь на пустоту. Этот артефакт был точной копией той Подвески с гербом клана Мо, которую Мо Линьюань когда-то повесил ему на шею!

Этот человек... тоже из рода Мо? Стоп, молодая госпожа назвала его Дунчэнем... Мо Дунчэнь! Тот самый легендарный бывший глава клана Мо и нынешний владыка Альянса! А самое главное — он же родной отец Мо Линьюаня!

Твою же дивизию! Он прожил здесь больше года, вечно витая в облаках, и только сейчас до него дошло: этот несносный бесёнок, который никак не желает родиться — и есть Мо Линьюань!

Значит, они познакомились, когда Мо Линьюань ещё даже не родился?! В голове не укладывалось, что судьба способна выкинуть подобный фортель. Лишь теперь, услышав

объяснения Мо Дунчэня, Линь Цзяэр осознал истинную ценность Подвески с гербом клана Мо на своей шее. Стало ясно, почему во время их прогулок его то и дело проводжали настороженные взгляды из темноты. Мо Линьюань без колебаний отдал ему столь могущественный символ власти рода, хотя они были едва знакомы. Это казалось безрассудством, но душу Линь Цзяэра затопила волна щемящей нежности.

С этого дня отношение кошачьего духа к плоду в утробе Юнь Жохань кардинально изменилось. Всё-таки осознание того, что перед тобой будущий Мо Линьюань, накладывало свой отпечаток. По счастливой случайности малыш наконец прекратил упрямиться — живот госпожи начал округляться не по дням, а по часам.

Перевернув очередную чашу с подозрительным отваром, Линь Цзяэр окончательно убедился: все эти грязные козни плелись исключительно с одной целью — погубить нерождённого Мо Линьюаня. От этой мысли его охватывала глухая ярость. Отныне он оберегал Юнь Жохань пуще зеницы ока. Но враги действовали изошённо, совершая нападения из-за каждого угла. Некосколько раз они едва не преуспели. В конце концов кот озверел настолько, что близко не подпускал к госпоже ни единую живую душу.

И всё же, несмотря на всю его бдительность, уберечь её не удалось.

В тот день, когда Юнь Жохань должна была поехать в больницу для подготовки к родам, Линь Цзяэр места себе не находил от дурных предчувствий. Он не отходил от неё ни на шаг, устроившись прямо на её круглом животе, когда машина тронулась с места.

На крутом повороте из-за угла внезапно вылетел тяжёлый грузовик. На полной скорости он протаранил их легковой автомобиль, сбрасывая его в глубокую реку у обочины. В долю секунды, когда металл со скрежетом сминался, грудь Линь Цзяэра вспыхнула ослепительным невидимым светом, соткав защитный кокон вокруг роженицы.

Всё произошло в мгновение ока, но элитные телохранители клана Мо среагировали молниеносно. Прежде чем покорёженная машина рухнула в ледяную воду, один из стражей выбил дверь и на лету подхватил госпожу, выпрыгнув на обочину. Остальные бойцы тут же призвали сопровождающих духов, готовясь к бою. Противник действовал наверняка — нападавшие наводнили дорогу с нескольких сторон. Понимая, что силы неравны, раненый защитник увлёк Юнь Жохань в глубь леса, пока товарищи сдерживали натиск превосходящих сил врага.

— Стоять! Вам не уйти! — раздались сзади торжествующие выкрики. Несколько преследователей уже висели на хвосте — оставшиеся позади стражи не смогли сдержать лавину врагов.

Линь Цзяэр мёртвой хваткой вцепился в одежду на животе Юнь Жохань, непрерывно вливая духовную силу, чтобы защитить и успокоить бьющегося в панике младенца. При виде

нагоняющих убийц его кошачьи глаза налились яростью. «Мрази, на беременную руку подняли! Дайте мне только волю, я вам шкуры живьём спущу!»

Но броситься в бой он не мог — стоило ему отдалиться хоть на цунь, и защита роженицы рухнула бы.

Сопровождавший их страж осторожно опустил женщину на траву и глухо произнес:

— Молодая госпожа, бегите! Я задержу их. Сигнал бедствия отправлен, подмога близко. Найдите надёжное укрытие и ждите. Мне нужно выиграть лишь немного времени.

— Береги себя, — выдохнула Юнь Жохань. Без лишних слов она развернулась и побежала глубже в чащу.

Сопровождающий дух стража уже яростно дрался на рубеже, но в одиночку зверю было не совладать с целым отрядом опытных убийц. Лишь когда сам боец вступил в схватку, слаженно координируя действия со своим призывом, преследователи наконец увязли в затяжном бою.

Видя, что цель ускользает, нападавшие зверели на глазах, усиливая натиск. Однако защитник клана Мо дрался как одержимый, не уступая ни пяди земли. Схватка превратилась в кровавую баню, где никто не хотел отступить.

Линь Цзяэр парил следом за Юнь Жохань. Её дыхание становилось всё более рваным и тяжёлым. Для женщины на сносях, пережившей страшную аварию и погоню, держаться столь хладнокровно, без истерик и паники, было сродни подвигу. Её стойкость вызвала искреннее восхищение.

«Плохо дело, процесс пошёл!» — мысленно вскрикнул Линь Цзяэр. Находясь в тесном контакте с её телом, он понимал критичность ситуации куда лучше самой матери.

И без того бледное лицо Юнь Жохань сделалось мертвенно-белым. Роды начались прямо здесь, посреди глухого леса. Подмога подоспеть не успеет. Нужно было решать сию же секунду, иначе погибнут оба. Закрыв глаза, она сделала глубокий вдох. Когда веки распахнулись, в её взгляде не осталось и капли страха — лишь железная решимость. Ей придётся родить этого ребёнка самой. Здесь и сейчас.

По одному её взгляду Линь Цзяэр понял, что решение принято. Его сердце наполнилось благоговением перед этой удивительной женщиной. Весь прошлый год он видел, как усердно она штудировала медицинские трактаты о родовспоможении и уходе за новорожденными. Теперь эти знания должны были спасти им жизнь. Она действительно готовилась к худшему.

Под покровом вековых деревьев внезапно послышался едва уловимый ропот бегущей воды. Глаза Юнь Жохань блеснули надеждой. Собрав остатки сил, она побрела на этот звук. Вскоре

сквозь заросли проступила чистая лесная речушка. Воды в ней было примерно по пояс.

Увидев, как госпожа без колебаний шагнула в прохладную воду, Линь Цзяэр растерялся, но мгновение спустя догадался — она решила прибегнуть к водным родам, чтобы облегчить боль и ускорить процесс.

Бесплотный кошачий дух завис над самой гладью воды. С каждым подавленным стоном Юнь Жохань его сердце сжималось от тревоги. Схватки затягивались. Волосы женщины намокли от пота и речной воды, губы посинели. Линь Цзяэр видел, что её движения становятся хаотичными, силы покидали её, а паника подбиралась всё ближе.

Опомнившись, он поспешно опустился ей на живот, вновь запуская мощный поток согревающей духовной энергии. Эта сила предназначалась как для измученной матери, так и для рвущегося наружу маленького Мо Линьюаня.

Ещё в машине Юнь Жохань ощутила эту мягкую, животворящую теплоту. В момент страшного удара, за мгновение до того, как среагировал охранник, именно эта энергия уберегла её от гибели. Без постоянной незримой поддержки она бы ни за что не перенесла крушение и этот изнурительный бег по лесной чаще. Собственное тело не обманешь — без этого божественного благословения её силы иссякли бы ещё на опушке.

На грани полного истощения она вдруг почувствовала, как сквозь кожу разливается спасительный жар, питающий и её саму, и дитя внутри её лона. Ледяная речная вода обжигала холодом, отчего эта невидимая забота казалась ещё более явной, почти осязаемой.

На самом деле она давно догадывалась. За два года в усадьбе Мо её жизнь была удивительно безмятежной, а после зачатия любые беды и вовсе обходили её стороной. Даже лучшие теневые стражи не могли обеспечить столь безупречную круглосуточную охрану. Странно опрокинутые склянки с сомнительными лекарствами, внезапно разбитые горшки с ядовитыми цветами, нелепые падения подозрительных слуг, пытавшихся подойти поближе... Случайностей было слишком много, чтобы верить в простое везение.

«Кто бы ты ни был... спасибо, что хранил нас всё это время», — безмолвно прошептала она.

Заметив, что взгляд женщины начинает тускнеть, Линь Цзяэр отчаянно замыкал:

— Мяу! — «Держись! Не смей сдаваться!»

Он выкрутил поток духовной силы на максимум, сердито похлопал лапками по натянувшемуся животу и требовательно зашипел на затаившегося там сорванца: «Мо Линьюань, а ну быстро вылезай наружу! Мать исстрадалась!»

Сквозь пелену боли до слуха Юнь Жохань донеслось тонкое, отчаянное мяуканье. Приоткрыв

веки, она сквозь слезы разглядела на своём животе крошечный, размером с кулачок, промокший белый комочек. Кошачьи глазки светились неподдельной тревогой. Малыш уморительно сердился, колотил лапками по её коже и грозно шипел на её утробу, словно отдавал приказы неродившемуся сыну.

В ту же секунду тело пронзила финальная, самая мощная волна боли, сменившаяся хлынувшим изнутри жаром. Собрав последнюю волю, Юнь Жохань натужилась и закричала во весь голос.

Всплеск воды возвестил о рождении новой жизни. По лицу матери потекли слезы облегчения и непередаваемого счастья.

Почувствовав, как опора под ним исчезла, Линь Цзяэр с головой ухнул в реку. Смешно отплевываясь и барахтаясь в воде, он ошарашенно соображал: «Всё? Уже родился?!»

«Черт, Мо Линьюань же под водой!» — спохватился кот и уже собрался нырять, чтобы вытащить младенца, как вдруг водная гладь расступилась. Из глубины показался упитанный, на диво крепкий малыш. Проведя в утробе матери два долгих года, он ни капли не походил на обычных сморщенных новорожденных — его кожа была гладкой, а черты лица — на редкость правильными и красивыми. К тому же малец держался на воде свободнее любой рыбы, словно повелевать водной стихией было его врожденным даром. Даже не открыв глаз, он уверенно выгреб на поверхность.

— Сынок... мой мальчик... — прошептала Юнь Жохань и, увидев своего ребенка целым и невредимым, без сил откинулась на прибрежный песок, погружаясь в глубокое забытие.

Не успел Линь Цзяэр опомниться, как новорожденный Мо Линьюань цепко ухватил его за лапу крошечными пальчиками. Делать нечего: кряхтя от натуги, призрачный кот сначала отбуксировал пухлого младенца на сушу, а затем вернулся в воду за бесчувственной матерью. С трудом вытащив Юнь Жохань на траву, он прислушался к её дыханию. Мокрая ткань платья слабо вздымалась, пульс был ровным — она просто потеряла сознание от полного изнеможения. Линь Цзяэр облегченно выдохнул.

Ощувив слабоежатие, он обернулся. Круглолицый малыш медленно приоткрыл глаза. В глубине его чистых, бездонно-черных зрачков отражался промокший до нитки, взъерошенный белый котенок с несчастным видом. Настоящая картина жалости.

Линь Цзяэр замер. Этот взгляд — невинный, сияющий первозданной чистотой — в точности совпадал с тем образом, что являлся ему во снах. Он ведь и раньше думал, что те глаза принадлежали Мо Линьюаню. И надо же — предчувствие не обмануло. Это действительно был он.

Встретив этот доверчивый, ясный взор, Линь Цзяэр почувствовал, как с души спал огромный камень. Все его труды и страдания окупились сполна. Однако духовные резервы кота иссякли без остатка, мышцы одеревенели, и он без сил растянулся на траве.

«Нужно перевести дух... Если убийцы выйдут на наш след раньше подмоги, нам конец. Надо поскорее восстановить капельку сил, растолкать госпожу и уходить. Хоть бы наши стражи успели первыми...» Но тело отказывалось повиноваться. Усталость навалилась неподъемным свинцовым грузом.

Медленно впитывая крохи природной энергии, Линь Цзяэр краем глаза наблюдал, как голопопый младенец, единственный из них полный сил, вовсю колотит ножками по траве. Кот невольно фыркнул, представив, во какого грозного, статного и невероятно притягательного мужчину вырастет этот забавный карапуз через двадцать лет.

«Эх, Мо Линьюань, знал бы ты, каким предстал перед миром в свой первый день! Эту картину надо было запечатлеть для истории и показать тебе взрослому. Вот бы умора была!»

Впрочем, новорожденный «комочек» Мо Линьюань не понимал ровным счетом ничего. Он преспокойно ползал, волоча за собой пуповину с последом, совершенно не заботясь о таких приземленных вещах.

Немного восстановив силы, Линь Цзяэр вздохнул и, не в силах больше терпеть это зрелище, аккуратно полоснул когтем по натянутой пуповине, перерезая её. Брызнувшая рубиновая капля крови младенца послушно опустилась прямо на лоб белому котенку. В ту же секунду у основания его копчика разлилось нестерпимое тепло. Линь Цзяэр обернулся и обомлел: сзади медленно, пушистым веером разворачивался новый, длинный хвост.

<http://bllate.org/book/18337/1797162>